

Выступление Я.И. Кузьмина на пленарном заседании 4-й Международной научной конференции «Модернизация экономики России: социальный контекст» 2 апреля 2003 г.

Уважаемые коллеги, мы сегодня достаточно широко обсуждаем вопрос о том, стоит ли корректировать программу Правительства - в узком смысле, и программу развития страны - в широком смысле, и в процессе этих дискуссий, пожалуй, есть несколько вещей, с которыми все в большей или меньшей степени согласны. Можно спорить о том, насколько мы выполнили либеральную программу, провозглашенную в 2000 году. Я считаю, что не очень хорошо выполнили и могли бы достичь больших успехов. И можно продолжать спорить о том, нужно ли либеральную программу менять на программу активной промышленной политики, более жесткой политики, хотя, на мой взгляд, за последние годы острота такого рода дискуссий – чисто идеологических – на сегодняшний день значительно смягчилась. По всей видимости, появилось понимание того, что либерализм – это реакция на отсутствие денег, а денег у нас, хотя и добавилось, но не очень сильно. Как я уже сказал, существует несколько точек, в которых, пожалуй, есть согласие относительно того, чем необходимо дополнить программу развития страны, программу действий власти, и среди этих точек есть две центральных.

Во-первых, это реформа самой власти – реформа государства, о которой мы будем говорить во второй половине дня, когда сюда придут руководители соответствующих направлений реформы власти – господа Д.Н. Козак, И.И. Шувалов и Д.А. Медведев. И, во-вторых, это развитие так называемой новой экономики. Я попробую коротко остановиться именно на второй проблеме, поскольку она, честно говоря, имеет прямое отношение к решению первой – реформы власти в России. Глобальный рынок сегодня – это совокупность цепочек добавления стоимости. Мировой опыт показывает, что основная масса добавленной стоимости в рамках этих цепочек все больше концентрируется в звеньях, отвечающих за разработку технологических и управленческих решений, основывающихся на специфических знаниях и очень активно использующих информационные технологии. Именно мозговые центры, центры принятия решений в совокупности с секторами, непосредственно производящими знания, такими, как наука и образование, с информационно-коммуникационными отраслями, являются сегодня своего рода мотором экономического развития и ассоциируются с понятием новой экономики. Новую экономику называют еще информационной экономикой, экономикой, основанной на знаниях. Но каждое из этих определений частичное, поскольку выхватывает только некоторую группу

факторов, взаимодействующих друг с другом. Новая экономика – совокупность отраслей, которая характеризуется четырьмя особенностями.

Во-первых, это значительно больший вклад специфического человеческого капитала и интеллектуального капитала, по сравнению с материальными элементами капитала.

Во-вторых, это очень высокая специфичность, а в ряде случаев и уникальность нематериальных активов.

В-третьих, это большая информационная составляющая и невиданный ранее высокий темп обновления. Можно сказать, что обновление производственных технологий или продуктов, или услуг имеет перманентный характер.

Это роднит новую экономику с отраслями высоких технологий самих по себе. Но темп обновления продукции в отраслях новой экономики выше, потому что требуются меньшие вклады для обновления этой продукции. К новой экономике можно полностью отнести такие сектора, как образование, наука, производство фундаментального знания и инноваций, интеллектуальные услуги - это консультирование, информационное посредничество, аналитика, маркетинговые услуги и реклама, это информационные технологии.

Кроме этого, новая экономика охватывает управляющие и инновационные элементы практически всех отраслей экономики. Неправильно представлять ее как отдельные сектора, она очень активно диффундирует в традиционные сектора экономики. Я могу привести несколько примеров. Корпоративные информационные системы, которые очень существенно повышают эффективность принятия решений и снижают агентские издержки в корпорациях; превращение НИОКР в первую стадию стандартного производственного процесса в рамках классических предприятий и т.д.

Новая экономика сама по себе задает более высокие темпы роста по сравнению с традиционными отраслями, по России это разрыв в среднем 2 раза. Ее доля в экономике развитых стран составляет 18-20% и имеет тенденцию к дальнейшему росту. И у нее имеется значительный экспортный потенциал. Это справедливо и для российской экономики тоже. Вместе с тем, эффективность новой экономики определяется не тем, как она растет сама по себе, что показывают недавние ситуации, когда лопались компании-«пузыри» в развитых странах. Был первый кризис, связанный с чрезмерным оптимизмом инвесторов в отношении перспектив новой экономики. Ничего страшного в этом нет. Любая технологическая революция порождает чрезмерный оптимизм инвесторов, пузыри лопаются, но это не значит, что от этой технологии кто-то отказывается. Примерно то же самое было с такими технологиями, как железные дороги, связь и т.д.

Все-таки основная проблема новой экономики и ее эффективности в том, что она должна оказывать модернизирующее воздействие на экономику в целом, на традиционные отрасли, существенно повышая производительность этих отраслей. Вот в какой степени это присутствует сейчас в российской экономике – это большой вопрос, и, на мой взгляд, основной ответ – слабое присутствие, слабое модернизирующее воздействие достаточно большой российской новой экономики на традиционные отрасли экономики лежит в структуре самих отраслей новой экономики.

Как измерить новую экономику? В действующей у нас в настоящее время системе статистического учета определенная и весьма значительная часть оборота новой экономики просто не улавливается. Это, в первую очередь, касается огромного нелегального оборота программного обеспечения и других интеллектуальных продуктов, это касается образования и науки, которые продолжают учитываться исключительно как затратные отрасли. Кроме этого, многие внутрифирменные элементы новой экономики, такие, как производственные инновации нетехнологического характера, корпоративные информационные системы просто не улавливаются статистическим наблюдением.

С учетом необходимых поправок можно определить размеры новой экономики в России следующим образом: от 5 до 5,5%- это система образования; от 1 до 2% – то сектор информационных технологий (оценка здесь меняется в зависимости от того, добавляем ли мы нелегальный оборот продуктов – 1,5-2%), науко-инновационный сектор – даже несколько меньше 2%. Первый заместитель Министра промышленности, науки и технологий Российской Федерации А.А. Фурсенко выступит, он более точные цифры, чем я, наверное, может назвать в отношении этого сектора. И приблизительно до 1,5% - это сектор интеллектуальных услуг. Добавлю, что сектор интеллектуальных услуг более, чем наполовину сформирован рынком рекламы. На сегодняшний день оценка рекламного рынка в России – 2,7 млрд. долл. за прошлый год, следовательно, в этом году больше 3 млрд. долл. Следует подчеркнуть, что названные мной цифры – это приблизительно 8,5-9% ВВП.

Как видите, достаточно большая доля экономики захватывается новой экономикой, нельзя сказать, что это абсолютно незначительный ничего для страны сектор даже в отношении нормального его объема. Я должен сказать, что здесь есть одна очень серьезная проблема, о которой я уже говорил в отношении образования и науки. Значительная часть этой оценки представляет собой оценку затрат, а не оценку результатов. Более того, у меня есть очень большие сомнения, что коэффициент затрат и результатов в российском профессиональном образовании и в значительных секторах российской экономики – положительный, что эти сектора, говоря языком Евгения Григорьевича Ясина, создают положительную добавленную стоимость.

И каков эффект вкладов в новую экономику, сколько стоит в нее инвестировать? Исследования, проводившиеся по странам – членам ОЭСР, а это практически все страны с развитой рыночной экономикой, дают разные оценки. Мы попытались в процессе подготовки доклада оценить это с Евгением Евгеньевичем Гавриленковым. Мы пришли к следующим выводам: инвестиции в ИКТ порождают рост валового внутреннего продукта в среднесрочном периоде в соотношении 1:2, в инновационный сектор 1:3. Эффект вложений в образование достаточно трудно в среднесрочном периоде измерить. Можно с уверенностью говорить только о соотношении 1,1:1, то есть менее 10 процентов роста в среднесрочном периоде, но мировой опыт показывает, что наиболее адаптированными являются экономики именно тех стран, в которых средний уровень образования населения выше. Именно адаптированность человеческого капитала способствует развитию новых секторов экономики и постоянному изменению структуры экономики. Поэтому, по всей видимости, на сегодняшний день мы не имеем эффективных, адекватных инструментов для измерения эффективности вложения в новую экономику.

Для России развитие новой экономики имеет особое значение, и здесь нужно вернуться к проблеме наличия у нас пространства для более активного поведения государства. В условиях низкой монетизации экономики, отсутствия длинных денег преимущество объективно получают проекты с невысоким уровнем стартовых капитальных затрат. Новая экономика, как сфера мягких технологий, опирается в значительной степени на инвестиции человеческого капитала, а не на новые инвестиции в материальный капитал. Между тем в России такого рода инвестиции, базовые инвестиции, уже сделаны. Существует очень высокий уровень общего образования и для ряда секторов сохраняется весьма высокий уровень профессионального образования. В стране сохраняется достаточно высокий научный потенциал. И соответственно речь может сейчас идти о том, чтобы этот потенциал каким-то образом производительно сконфигурировать. Речь может идти о сравнительно небольших дополнительных вкладах. Их может делать бизнес, их может делать государство в каких-то секторах, которые обеспечили бы необходимую модернизацию накопленного потенциала и, самое главное, его производительную конфигурацию.

Теперь относительно структуры новой экономики. В России она разделена на два сектора, которые имеют совершенно различную институциональную структуру. Мы можем говорить о старом секторе новой экономики – это наука и образование, которые организованы в значительной степени по-советски, как чисто затратные отрасли. Напротив, новый сектор новой экономики, если можно так выразиться, представлен рынками информационных технологий и интеллектуальных услуг, организован целиком на частной основе, практически без участия государства в его собственности.

Можно говорить, таким образом, о полярности институциональной структуры новой экономики в России. Соответственно у нас не может быть единой экономической политики для новой экономики. Она предполагает совершенно разные политики. Что здесь можно сказать, чтобы попытаться охарактеризовать то, что может сделать в этих отраслях государство? Во-первых, что мы можем сделать для новых секторов, таких, как IT и интеллектуальные услуги? Мы провели очень много консультаций с представителями этих секторов, и в общем подавляющее мнение, за исключением нескольких романтических пожеланий, сводится к тому, чтобы снять именно с них все налоги, которые встречаются в каждом, наверное, секторе, оптимизировать присутствие государства в секторах, в которых оно есть. Также необходимо работать «на стык», создавать условия для широкого использования потенциала этих секторов в традиционных секторах экономики, развивающихся на основе частной инициативы. Чисто информационно мы можем это делать.

Мы подготовили соответствующий доклад, там изложен целый ряд предложений по реформе институтов, по формированию прозрачности рынка, по поддержке рейтингов, например, по поддержке покупателей интеллектуальных услуг, по поддержке клиентов фирм IT-сектора. Исключительно важно, что эту информационно-рейтинговую систему очень дешево и в целом лучше строить опять же на частной основе. В тех секторах, где платежеспособный спрос еще неадекватен, как в платном образовании, информационный рынок абсолютно искажен, и потребитель не может получить адекватной информации о качестве услуг, но есть еще целый ряд такого рода секторов, к большому сожалению, к ним в значительной степени относятся информационные технологии и в гораздо меньшей степени относятся такие сферы, как аудит, как финансовые услуги, где уже сложились репутации. Вот здесь государство может на конкурсной основе поддерживать систему частных конкурирующих рейтингов, обязательно систему частных, конкурирующих между собой, журналов потребителей, которые существуют в развитых странах. Вот это все, что, на мой взгляд, может здесь сделать государство. Но основная проблема государственного влияния, государственного участия – государство должно разобраться внутри себя и внутри бюджетных секторов.

Надо сконцентрировать внимание государства на использовании потенциала информационных технологий и интеллектуальных услуг в реформе власти и, в первую очередь, в административной реформе и в реформе социальной сферы, я об этом отдельно скажу. На сегодняшний день мы провели несколько срезов эффективности ведомственных программ информатизации, например. Результат публиковался в некоторых СМИ, «Ведомостях», в частности. Он нас самих поразил. Государство теряет на своих

ведомственных программах информатизации до 70 копеек на каждый вложенный рубль, это самая оптимистическая оценка. Программа информатизации осуществляется именно затратным образом: покупается «железо», прокладывается локальная вычислительная сеть, но не разрабатывается специфического программного обеспечения для задач тех или иных органов государственной власти, тех или иных бюджетных организаций, и не обучаются пользователи. Доля затрат, необходимых на закупку железа близка к 100%, на прокладку локальных вычислительных сетей близка к 70%, доля затрат, реально используемых на обучение пользователей, составляет 2-3 % , то есть мы не используем те деньги, которые тратим. И если мы возьмем государственный бюджет порядка 400 млн. долл. в год на ведомственные информационные программы , то мы смело сможем из них примерно 250 млн. долл. отнести на утопленные затраты, безнадежно утопленные. Вместе с тем, именно в информационных технологиях коренятся некоторые решения, эффективные для реформы власти. Это система электронных административных регламентов, то есть фактически мы можем «пересадить» методы оптимизации бизнес-процессов в виде ERP-систем из бизнеса в ведомства, очень существенно сократив пространство административного усмотрения чиновников. Это – объединение государственных информационных ресурсов, это – открытость, это – прозрачные системы закупок.

Все это можно сделать исключительно на основе информационных технологий, исключительно в электронной или в интернет-форме, и на сегодняшний день у меня есть впечатление, что мы очень сильно запаздываем с формированием единой государственной программы управления государственными вкладами в информационную экономику. Очень сильно запаздываем. То, что делается с «Электронной Россией» как программой, которая одобрена летом 2001 года и до сих пор не имеет единого механизма управления, мне кажется, показывает необходимость реформы государства еще и со стороны управления самими информационными технологиями.

Проблема – это интеллектуальные услуги. В рамках ожидаемой административной реформы мы до 30% экономии от всей реформы должны получить от перевода на аутсорсинг целого ряда неспецифических функций, которые исполняются ныне чиновниками. Это создаст и в области информационных технологий, и в области интеллектуальных услуг резкий рост спроса. По нашим оценкам, на сегодня эти информационные и интеллектуальные услуги востребованы государством на сумму примерно 600 млн. долл. в год. В результате только административных реформ они могут возрасти в два с половиной раза. И проблема в этом отношении – только резко усилившееся воздействие государства на рынки, доля государства с 10-15% может вырасти на этих

рынках до 20, даже 25%, и, учитывая то, какое у нас государство, мы можем очень серьезно деформировать эти рынки сложившимися механизмами государственных закупок.

Что касается старых секторов, то именно применительно к ним существуют основные проблемы, и я могу привести некоторые данные. На сегодняшний день в российской науке доля средств корпоративного сектора составляет порядка 20%, а например, по странам ОЭСР – 64%. Вот это - степень интеграции российской науки в реальное производство. Удельный вес иностранных инвестиций – меньше 10%, это к вопросу о реальном экспортном потенциале российской науки. Объем экспорта технологий в России составляет 240 млн. долл., для сравнения в Австрии -2,4 млрд. долл., в США – 38 млрд. долл. То есть мы продолжаем теми деньгами, которые мы тратим на науку, «поддерживать стены». Огромная часть финансирования науки идет на финансирование государственных учреждений за то, что «они есть», и гораздо реже – людей. Доля грантов, к сожалению, не выходит за пределы, по- моему 10%. И практически никогда речь не идёт о проектах. Вот сейчас Андрей Александрович Фурсенко, с приходом которого [в Минпромнауки] началась реальная деятельность, как мне кажется, по созданию неких кластеров науки и производства, после меня расскажет подробнее, как сейчас Минпромнауки России пытается изменить данную ситуацию. Но уровень взаимодействия инновационного сектора российской науки, которой мы гордимся, которую мы лелеем и которую мы считаем национальным приоритетом, с реальной экономикой на 15-ом году рыночных реформ в России может быть охарактеризован в лучшем случае как неадекватный. Наука продолжает существовать сама по себе, а экономика продолжает существовать сама по себе: с очень низким уровнем инновационной активности, отличающим наши предприятия, в том числе и в отношении нетехнологических рыночных инноваций.

Российское профессиональное образование: 40% студентов не собираются искать работу по специальности, из этих 40% абсолютное большинство – студенты, обучающиеся за счет бюджета. Это, в первую очередь, студенты педагогических вузов, медицинских вузов, инженерных вузов, аграрных вузов и военных училищ – это абсолютные чемпионы. У них больше половины не хочет идти работать по специальности, то есть получает высшее общее образование. Я понимаю, что получать высшее общее образование, наверное, это следующий этап окультуривания человечества, но простите, давайте мы сначала своими ограниченными деньгами решим проблемы нашей экономики, а у нас нарастает с каждым годом дефицит конкретных профессий на рынке труда. Многие инвесторы говорят, что за последний год отсутствие достаточного предложения квалифицированных работников на рынке стало одним из серьезных препятствий для реализации инвестиционных проектов. Я приведу еще один пример. У нас в настоящее время 58,8% занято в сфере услуг. Это очень

высокий показатель, сравнимый с показателями развитых стран. Я посмотрел, готовясь к этому выступлению, какая у нас доля подготовки для сферы услуг в средних специальных учебных заведениях. Это -1,1%. Еще раз говорю, что наша система науки, система образования на сегодняшний день существует сама по себе, и старые сектора новой экономики имеют, по нашим оценкам, даже самым грубым оценкам, отрицательную добавленную стоимость в результате этих структурных перекосов.

Очень часто говорят, что наша наука, наше профессиональное образование недофинансированы. Это правильно. Высшая школа экономики делала для Госсовета год назад анализ того, насколько исполняется так называемый рациональный бюджет профессиональных программ образования. Рациональный бюджет основан на объемах финансирования в 80-х годах, пересчитанных в нынешних ценах. Выяснилось, что сегодня образование финансируется в среднем на 35%, то есть более чем на 60% программы просто заявлялись, но не финансировались. Причем это касается как бюджетного финансирования, так и следующего за ним финансирования домохозяйствами. Сейчас на бюджетного студента вузы получают примерно 500-700 долл. и 600-700 долл. они в среднем получают от одного студента, который платит за себя сам. Это очевидное недофинансирование, при том, что минимальные цифры нормальной образовательной программы составляют в российских условиях где-то 2200 долл. на одного студента. Средние профессиональные учебные заведения вместо 1700 долл. в год, которые требуется им на студента, сейчас получают около 350 долл. Что это значит?

Самолет с одним крылом лететь не может. Мы же пытаемся делать вид, что мы реализуем образовательные программы во все расширяющемся масштабе, мы продолжаем делать вид, что сохраним в старом масштабе научно-исследовательские институты, которые реально отличаются очень плохим качеством вклада, очень плохим качеством продукта. К чему я это все говорю? Мы совершенно очевидно должны делать какой-то выбор. Мы не можем далее терпеть состояние некачественного образования. По Москве есть 6 или 8 строительных профессионально-технических училищ. Инвесторы – строители предпочитают ввозить – со всеми издержками (с МВД, с регистрацией, с расселением) – рабочую силу из-за рубежа. Они боятся брать выпускников системы среднего профессионального образования, начального профессионального образования в этой области. Вот это продолжаться, очевидно, не может, но какой здесь может быть ответ? Он сейчас у нас есть. Из примерно 9% ВВП в секторах новой экономики, порядка 6-6,5% - это старые сектора, вот таким образом организованные. Если мы будем добавлять чисто бюджетные деньги в старые институты, вливать их в старые институты, это будет

эквивалентно тому, что мы увеличим формально эту затратную долю до 11-12% , не добившись практически никаких результатов.

Мы не можем больше развивать науку и образование на старой институциональной основе, государство не может больше увеличивать финансирование, оно увеличивало его в течение 1999, 2000, 2001, 2002 годов по 25% в год в реальном исчислении. Это колоссальные цифры. К сожалению, за все это время не произошло вообще никакой адаптации этого сектора к реальным потребностям рынка. Невозможно больше существование старых секторов новой экономики, будем их так смешно называть, на старой институциональной основе, за счет государственных затрат. Нам нужна быстрая реформа этих секторов. В противном случае или мы их потеряем, или мы потеряем просто всю экономику, вкладывая в них дополнительные средства при кпд, равном 30 или 50%.

О целях развития новой экономики. Я бы выделил пять целей, о которых имеет смысл говорить в России. Первая цель такова – новая экономика является политическим приоритетом для России, способом обеспечить сохранение её в группе развитых государств. Мы часто говорим о том, что мы есть великая держава, но великая держава определяется по неким индикаторам. Индикаторам, которые приемлемы для мирового сообщества, которые понимает мировое сообщество. Да, одним из этих индикаторов является ядерное оружие. Я уже больше не говорю «оборонная мощь», потому что никакой оборонной мощи, начиная с середины 90-х годов у России нет. Мы любую обычную войну тут же проиграем. Вот ядерное оружие, да, но другие элементы позиционирования как великой державы, в частности, требуют того, чтобы Россия продолжала существовать в секторах, в которых приоритетно развивают себя ведущие страны. А это – именно сектора новой экономики.

Во-вторых, новая экономика помогает поднять конкурентоспособность традиционных отраслей, обеспечивает снижение производственных издержек - это вклад инновационного сектора, интеллектуальных услуг и информационных услуг, повышение качества продукции – это вклад образования, инновационного сектора, ИКТ, и снижение транзакционных издержек – это вклад интеллектуальных услуг и ИКТ.

Третье – развитие новой экономики - это один из путей диверсификации экономики и, наверное, один из самых дешевых путей. Сейчас идет достаточно активная дискуссия о том, а надо ли нам осуществлять перелив, изъятие через государство из сырьевых секторов их доходов и перелив их в отрасли обрабатывающей промышленности. На мой взгляд, новая экономика хороша тем, что такого рода перелива не требует. Потому что, честно говоря, эффективность такого перелива с учетом нынешней эффективности государства, я думаю, не позволяет говорить о возможности такой политики. Новая экономика может развиваться

на основе очень небольших инвестиционных вкладов, и это, пожалуй, сектор, пригодный для рискованного инвестирования, в том числе традиционных компаний.

Четвертая цель – это создание нового экспортного потенциала. Есть два раздела такого потенциала. Первый – для информационных технологий и науки на общемировом рынке. Честно говоря, коллеги, я оцениваю весьма скептически возможности быстрого роста экспорта программного обеспечения и инновационных продуктов. Что касается программного обеспечения, мы не выдержим конкуренцию по дешевым разработкам с развивающимися странами типа Индии, которые уже создали эту индустрию, и в которой цена рабочей силы ниже, чем у нас. По науке я думаю, что Андрей Александрович Фурсенко скажет лучше, чем я. И есть второй сектор. Это образование и интеллектуальные услуги, в первую очередь, в СНГ на русскоязычных рынках и на рынках развивающихся стран. И государству имеет смысл подумать над поддержкой экспорта вот в этих секторах, о которых мы реже говорим, как о возможных секторах с экспортным потенциалом в образовании и в консалтинге.

Вообще все страны продвигают свои образовательные и консалтинговые услуги через предоставление программ технического содействия. Де-факто, у нас в России реализуется программа технического содействия, потому что мы много учим соотечественников наших в вузах, но мы не заявляем ее как программу технического содействия, по- моему, это глупо: мы это делаем, но мы это не называем и даже не оформляем. Мне кажется, что нам надо серьезно подумать над тем, что если мы хотим сохранить свое влияние на русскоязычных рынках, вообще хотим, чтобы русскоязычные рынки оставались, как нечто, существующее сейчас, подумать о путях поддержки экспорта в таких традиционных для России секторах.

Но самым главным является тот факт, что развитие новой экономики обеспечивает формирование новой информационной и институциональной инфраструктуры рынков. Отставание институтов – это самое дорогое и опасное отставание, и допустить его опаснее, чем иметь ресурсные и структурные отставания. Потому что невозможно заранее определить потенциал развития тех или иных отраслей, а ресурсы на каждом историческом этапе предстают в новой комбинации. Здесь я скорее либерал, я не верю в прогностическую силу государства. Но отставание в области институтов, в области прав собственности, в области эффективной информационной организации рынков – это отставание, которое мы не сможем компенсировать, и, мне кажется, что нам надо, в первую очередь, осуществлять государственные инвестиции не в *мощности* новой экономики, по двум причинам, которые я здесь изложил, а в *институты* новой экономики. Более подробно о них говорится в опубликованном тексте нашего доклада.